

Юрий ДУСЬ, Владимир РАЗУМОВ, Наталия ПУЗИНА

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В условиях усиливающейся межстрановой конкуренции стратегическая роль высшего образования и науки неуклонно возрастает. Россия во многом копирует западные стандарты в сфере науки и образования, не имея к разработке этих стандартов никакого отношения. В результате, Российская Федерация оказывается на периферии мирового интеллектуального развития. Ситуация усугубляется переменами в российском высшем образовании. В начале XXI в. для него характерно деление вузов на федеральные и региональные, что сказывается на уровнях финансирования и автономии в ведении учебной и научной деятельности и пр. Как показывает практика, «номенклатурный» подход превращает многие региональные вузы в неконкурентоспособные. В статье выделяются и анализируются (применительно к РФ) три используемые в мире модели развития современного высшего образования. Делается вывод, что деформации современного российского общества переносятся и на высшее образование. Поэтому реформы образования невозможны без серьезных изменений в обществе и без учета того, что современные российские вузы воспроизводят многообразие социально-экономических отношений.

Ключевые слова: высшее образование, наука, оценка эффективности вузов, пирамида российских вузов, регион, региональные вузы, федеральные вузы

JEL: P36, P51, I21

С конца первого десятилетия XXI в. Россия находится в состоянии нарастающей конфронтации с Западом. И если последствия этой конфронтации в военно-политической и экономической сферах руководством и элитой страны осознаются достаточно четко, то последствия в образовательно-культурной сфере явно недооцениваются.

Роль образования в современной мир-системе

В условиях попыток Запада с помощью санкций изолировать Россию экономически, в т.ч. от инвестиций и технологий нового поколения, вопросы состояния и перспектив отечественной высшей школы стоят особенно остро. Требуется не только углубленный анализ результатов

осуществляемых нововведений, но и существенная корректировка самих подходов к реформе науки и высшей школы, в т.ч. в аспекте взаимодействия центральных и региональных органов власти и управления. Парадоксально, но на фоне враждебного отношения к нам экономически лидирующих стран, при явной необходимости импортозамещения, критичного отношения к инвестиционным и экономическим оценкам западных агентств, российская высшая школа не только целиком сориентирована на западные наукометрические стандарты и оценки, но и в значительной мере *копирует* структурные особенности и алгоритмы развития зарубежного образования.

Конечно, противостоять глобальным тенденциям невозможно и не нужно — значительная часть процессов в экономике, политике, культуре, образовании приобрела глобальные, планетарные масштабы. Национальные границы во многом утратили свой экономический и культурный смысл, а государства (главным образом, экономически отстающие) лишились возможности полностью контролировать национальную экономику и определять развитие собственных систем образования и культуры. Коренная структура элементов современной мир-системы И. Валлерстайна остается прежней [1, с. 50–51]:

- центр или ядро (около 20 наиболее экономически развитых стран мира);
- полупериферия (страны среднего уровня развития, включая новые индустриальные страны, а также Россию);
- периферия (не имеющие реальных перспектив в сложившейся системе слаборазвитые страны, часто именуемые развивающимися).

В рамках мир-системных взаимодействий укрепляется *требующий тщательного учета* фактор доминирования стран «центра». Недаром специалисты все чаще обращаются к понятию *экономической экспансии*, определяемой как процесс целенаправленной трансформации отношений между обществами с целью формирования структуры доминирования одной нации над другой [2, с. 468]¹.

И если об экономической экспансии сегодня пишется часто, то процессы экспансии в культурно-образовательной сфере многим представляются менее очевидными. Однако они имеют не менее серьезные последствия, нежели результаты экспансии экономической. Профессор Йен Чеонг Ченг пишет, что последствия глобализации, в т.ч. образовательной, могут обернуться «созданием для небольшой группы развитых стран легитимных возможностей с целью проведения экономической и политической колонизации отсталых стран» для «эксплуатации местных ресурсов и уничтожения коренных культур» [3, с. 81]. В подтверждение этой точки зрения, особенно в плане «политической колонизации», можно привести опыт таких стран, как Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Украина.

¹ Характеризуя этот процесс, Н.С. Розов отмечает: «Кажется, что ничего не произошло: все страны, как были, так и остались самостоятельными; в реальности же радиальные пути коммуникации уже построены и действуют, обеспечивая лидерство той страны, которая взяла на себя инициативу и труд «мягкой» интеграции экономического пространства» [4, с. 274].

Наука и образование в современной мир-системе становятся серьезными факторами конкуренции. Причем степень самодостаточности и эффективности системы образования в каждой стране зависит не в последнюю очередь от глубины интеграции в процесс ее развития *региональных составляющих* высшей школы.

Противоречия отечественной системы высшего образования

На тенденцию снижения качества высшего образования в стране и ее регионах обращают внимание все больше представителей научного и педагогического сообщества России. Причина этого снижения — присоединение России к Болонскому процессу, на краткой характеристике последствий которого мы и остановимся.

Данное присоединение произошло в 2003 г., когда в РФ и ЕС постулировалась идея *формирования единого пространства от Владивостока до Лиссабона*. Введение единых стандартов в сфере высшего образования, казалось, позволит России занять в этом пространстве адекватное ей место. Обобщенным итогом реализации этого замысла стало то, что к началу 2010-х гг. был практически демонтирован специалитет, а вместо него введены бакалавриат и магистратура как два уровня обучения. С 2010 г. вузы России выстроены в форме пирамиды, и это разделение усиливается «ПРОЕКТОМ 5-100». Уместно поставить вопрос о правильности избранной стратегии догнать мировые науку и образование, а также вопрос об оценке результатов реализации данного проекта, с учетом состояния, в котором оказалось большинство региональных вузов РФ.

Конечно, стандарты нужны, особенно с учетом общемировых требований процесса перехода к цифровой цивилизации. Однако для большинства вузов на сегодняшний день это выражается в том, что учебный и научный процессы *подменяются их имитациями в разнообразных электронных формах*. То есть, конструирование стандартов высшего образования (далее — ФГОС) становится самоцелью, отрываясь от задач повышения качества научной и учебной деятельности. Однако полагаем, что подобное следование стандартам (которые, к слову, в современном мире быстро меняются) во многом вытесняет творческую работу. Наиболее ярко это проявляется в оценках деятельности, определяемой теперь библиометрическими и наукометрическими показателями. В этих условиях содержательный аспект процесса образования и уровня подготовки педагогических кадров мало кого интересует². Для получения надбавок к оплате труда, грантов нужны публикации в изданиях, зарегистрированных в базах *WoS, SCOPUS*. При этом российский индекс научного цитирования (РИНЦ) отчасти дискредитирован. По факту, российских преподавателей и ученых обязывают публиковать свои новые и значимые результаты на английском языке и в западных изданиях. Получается, *импортозамещение для системы образования не «работает»*.

² Советский период развития высшего образования, при всей своей неоднозначности, имел одно несомненное достоинство: для преподавателей и студентов действовала установка на творческое развитие.

Основная критика реформ системы высшего образования и науки в России сосредоточена на вопросах низкого качества образования. Возможной причиной сложившейся ситуации является *переход системы на рыночные начала*. Вуз рассматривается как организация, оказывающая образовательные услуги, следовательно, он должен быть экономически эффективен. Но в настоящее время благодаря механизмам ЕГЭ, дискриминационным делениям российских вузов молодежь, особенно талантливая, избегает поступать в большинство региональных вузов, в частности, это касается вузов г. Омска. В основной части региональных вузов, в частности, по причинам возросшего объема учебной нагрузки, увеличения количества форм, которые требуется заполнять, значительная часть преподавателей не в состоянии заниматься серьезной научной деятельностью, такой, чтобы ее результаты достойно включать в учебный процесс. В этой среде преподаватель становится исключительно транслятором знаний³.

Сложившуюся в системе высшего образования непростую ситуацию вызвали к жизни и другие факторы. Выделим, на наш взгляд, три основных.

Первый фактор. Статусность вузов, вследствие которой к федеральному уровню относятся федеральные (10), национальные исследовательские (42) и, возможно, опорные университеты (33). И будет упрощением утверждать, что остальные вузы являются региональными. В таком случае их список уместно возглавить МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РЭУ им. Г.В. Плеханова и некоторыми другими университетами.

Второй, как результат первого. Разделение вузов на категории, при котором не всегда возможно оправдать неравномерное распределение средств⁴.

Третий фактор. Опережение скоростью изменений в высшем образовании скорости рефлексии и осознания результатов реформ. Иными словами, большинство участников реформ не осознает полноценно смысл и результаты своей деятельности.

Эффективность расходов на высшее образование

Сегодня система высшего образования в России включает более 1 300 организаций с контингентом более 4 млн обучающихся, среди которых чуть больше половины учатся по очной форме обучения [6]. Расходы федерального бюджета РФ на высшее образование в 2018 г. составили 513,1 млрд руб. (рост по сравнению с 2017 г. на 8,3%) (см. табл. 1).

³ Следует согласиться с точкой зрения П.А. Ореховского, что реальной угрозой положению этой социальной группы является автоматизация работы преподавателей и их замена онлайн-курсами [5, с. 37].

⁴ К примеру, сколько стоит при прочих равных условиях продукт (статья, выпускник, патент и пр.), полученный в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского и в Новосибирском государственном университете? На сегодняшний день пирамида университетов, как и ЕГЭ, действует как инструмент ускоряющегося вымывания талантливой молодежи из регионов, чему ярким примером служит город Омск.

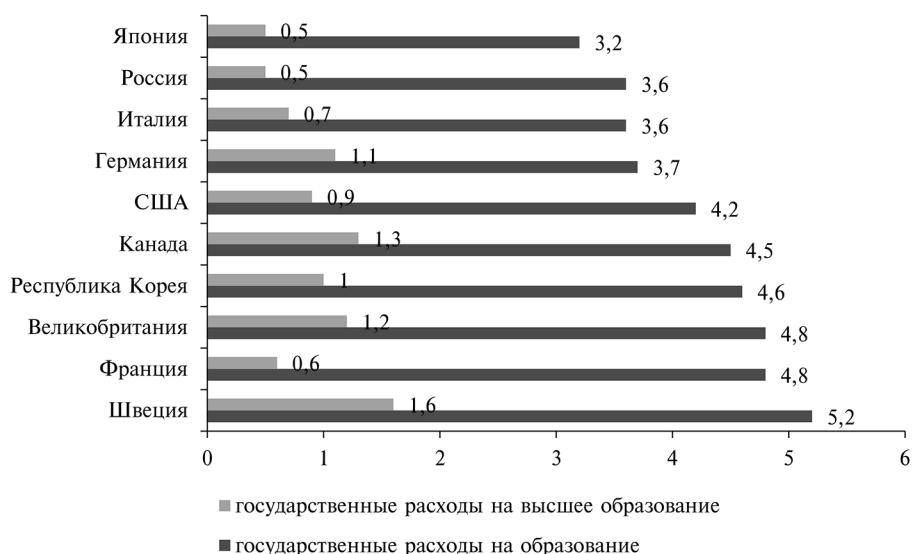
Т а б л и ц а 1

Расходы федерального бюджета на высшее образование в 2005–2018 гг.

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
млрд руб.	115,6	351,5	498,6	468,2	473,8	513,1
в % от общих расходов	3,7	3,9	3,2	3,6	3,5	3,7
в % от ВВП	0,5	0,8	0,6	0,5	0,5	0,5

Источник: рассчитано по [7; 8].

Расходы федерального бюджета РФ на высшее образование последние три года остаются в пределах 3,5–3,7% от общих бюджетных расходов и стабильно составляют 0,5% от ВВП страны. Однако положительная динамика роста расходов федерального бюджета на высшее образование не может дать однозначного ответа на вопрос: ведет ли это к развитию всей системы высшего образования?⁵ Чтобы ответить на него, вначале рассмотрим межстрановые сравнения затрат на эти цели (см. рис. 1).

Рис. 1. Государственные расходы на образование в 2016 г., в % к ВВП

Источник: [9, с. 12].

Россия по показателю расходов на образование находится в группе стран Южной и Западной Азии. Ниже российских значения относительных объемов финансирования образования наблюдаются только в странах Центральной и Восточной Азии, Тихоокеанского региона.

⁵ Рассматривать остальные уровни бюджета нецелесообразно, поскольку в них не предусматриваются расходы на региональные вузы, в т. ч. потому, что у значительной части субъектов Федерации дефицитные бюджеты.

На порядок выше финансирование образования в Европе, арабских странах, Северной Америке [10]. В рейтинге стран мира по уровню расходов на образование Россия занимает только 98-е место, ей уступают Япония, Сингапур, Индия, Турция [11]. Все это позволяет говорить о недостаточном объеме финансирования для включения российской системы образования и науки в число сильнейших систем мира.

Российские вузы в рейтинге вузов мира *QS World University Rankings* занимают невысокие места [12]. На 84-м месте находится Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (за три года позиция вуза в рейтинге существенно не изменилась), остальные — в списке за 230 вузом. При этом в рейтинг вошло всего 25 ведущих российских вузов (см. рис. 2). Среди вузов, представленных на рисунке 2, существенно улучшили свою позицию в рейтинге за три года только девять вузов.

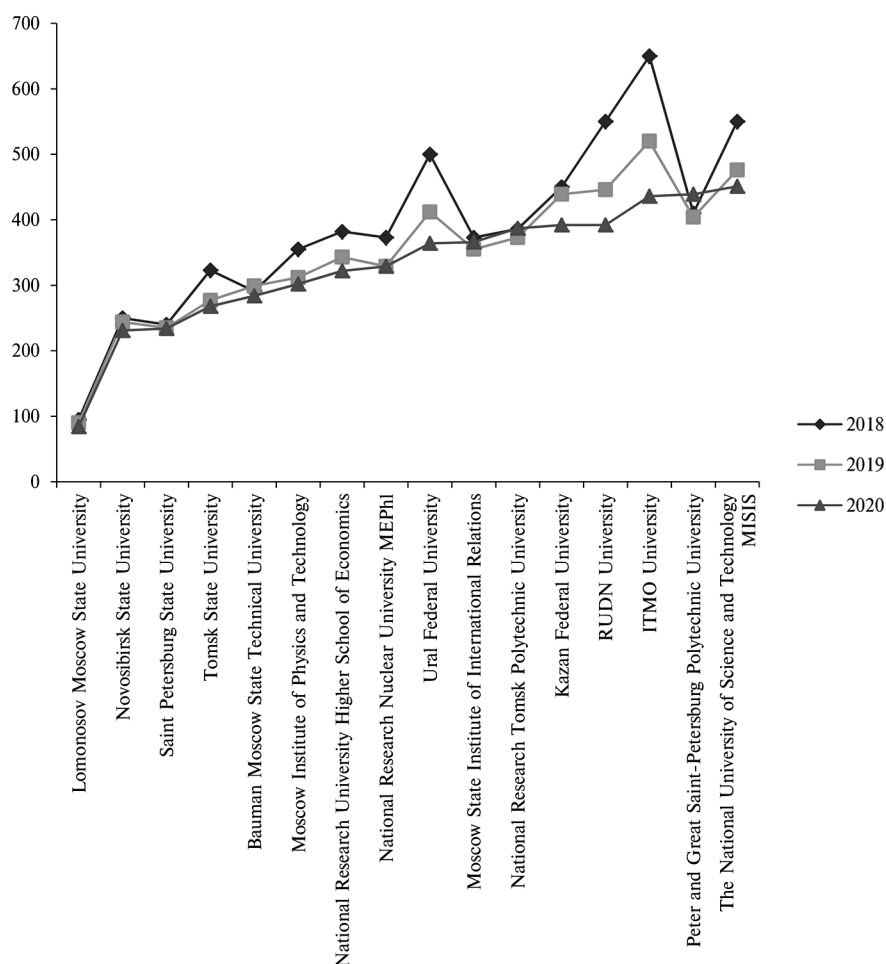

Рис. 2. Российские вузы в рейтинге вузов мира *QS World University Rankings* (шкала — место вуза в рейтинге)

Источник: [12].

Первую двадцатку данного рейтинга составляют вузы США, Великобритании, Швейцарии, Канады. В числе 50 лучших вузов можно выделить также вузы Сингапура, Китая, Японии, Гонконга, Австралии, Южной Кореи.

Рейтинг стран мира по индексу уровня образования свидетельствует, что Россия из 189 стран занимает 32-е место [13]. Рейтинг национальных систем высшего образования, который оценивает качество высшего образования, за 2018 г. включает Россию, находящуюся на 33-м месте [14]. Таким образом, российская система образования далека от лидирующих позиций.

В науке складывается аналогичная ситуация. Изучив динамику расходов на НИОКР по странам мира, можно заключить, что по сравнению со странами — членами ОЭСР в России тратится в два раза меньше средств на научные исследования и разработки в соотношении с ВВП (см. рис. 3, 4).

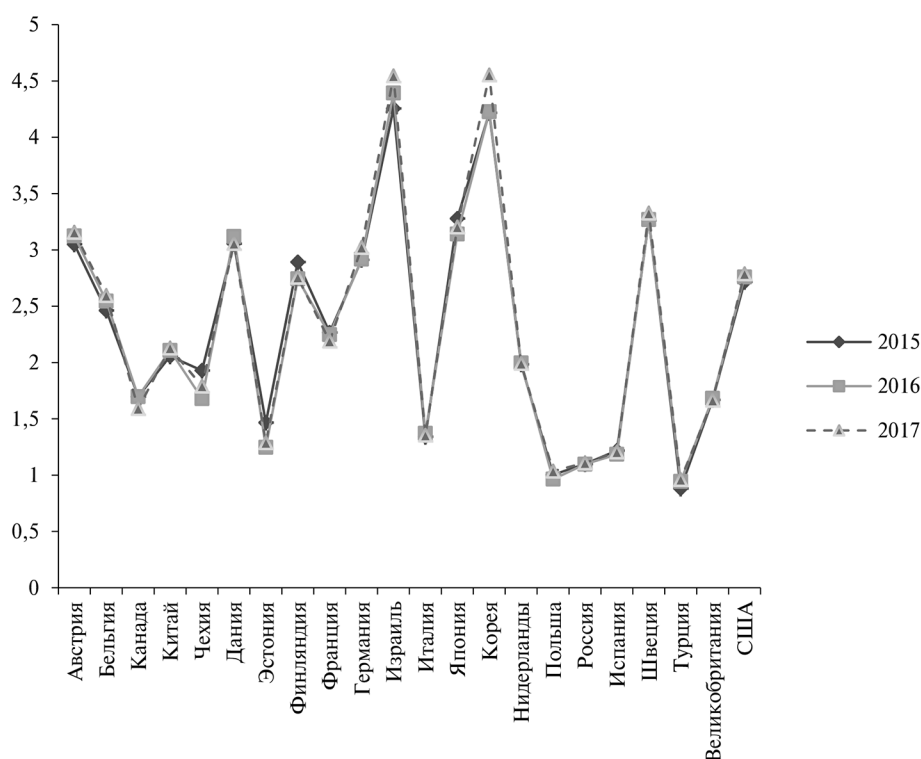

Рис. 3. Расходы на НИОКР в странах мира в 2015–2017 гг., в % к ВВП

Источник: [15].

В стоимостном выражении Россия занимает 10-е место по объему внутренних затрат на исследования и разработки [16]. В то же время, по данным российских рейтингов, результативность использования научных разработок в экономике крайне невысока. К такому выводу пришли авторы работы, проанализировавшие шесть международных рейтингов [17, с. 5–34].

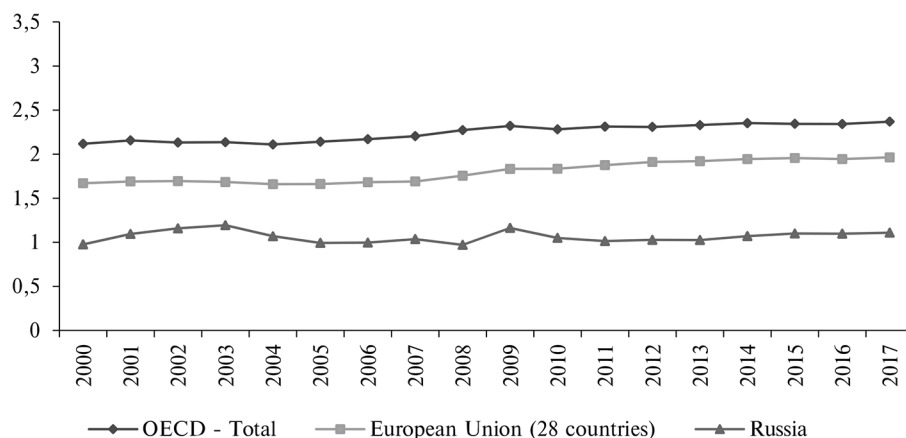

Рис. 4. Динамика расходов на НИОКР в странах ОЭСР, ЕС и РФ, в % к ВВП

Источник: [15].

Итак, Россия в развитии науки и высшего образования находится в ситуации догоняющего. А ведь образование является источником самодостаточности и независимости любого государства. Невозможно обеспечить надежную оборону, стратегически утрачивая способность науки и образования к самостоятельному развитию. Отталкиваясь от данного тезиса, сравним расходы на науку и образование, с одной стороны, и военно-промышленный комплекс, — с другой.

Согласно расчетам Стокгольмского института исследования проблем мира (SIRPI) военные расходы стран значительно различаются (см. табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Военные расходы стран мира с 2006 по 2018 г., млрд долл. США

	В млрд долл. США					В % от ВВП	
	2006	2009	2012	2015	2018	2009	2018
США	527,7	668,6	684,8	596,0	649,0	4,6	3,2
Китай	55,3	105,6	157,5	214,8	250,0	2,1	1,9
Саудовская Аравия	29,6	41,3	56,5	87,2	67,6	9,6	8,8
Индия	24,0	38,7	47,2	51,3	66,5	2,9	2,4
Франция	54,5	66,9	60,0	50,9	63,8	2,5	2,3
Россия	34,5	51,5	81,5	67,4	61,4	3,9	3,9
Великобритания	57,8	57,9	58,5	55,5	50,0	2,4	1,8
Германия	38,1	47,5	46,5	39,4	49,5	1,4	1,2
Япония	41,6	51,5	60,0	40,9	46,6	1,0	0,9
Республика Корея	25,2	24,6	32,0	36,4	43,1	2,7	2,6

Источник: рассчитано по [18; 19; 20].

Получается, что на оборону наше государство расходует в 4 раза больше, чем на развитие высшего образования и науки (сравнение расходов в % от ВВП см. *рис. 3, табл. 2*), тогда как страны с развитыми экономиками (США, Китай, Франция) имеют примерно равные доли расходов на данные сферы в ВВП. А некоторые страны на образование и науку тратят даже больше, чем на формирование военной мощи (Германия). Закономерен вопрос: способна ли Россия, лишаясь самостоятельности в науке и образовании, сохранить военно-политический паритет?

Модели образовательных систем в современном мире

Анализ состояния и конфигурации систем образования в мире позволяет выделить три модели, характеризующие направления развития.

Первая модель сформировалась в экономически развитых странах.

Вторая модель реализуется странами среднего уровня, претендующими на определенную автономию политики и экономическую самодостаточность.

Третья модель сложилась в странах, полностью копирующих модель лидеров или не претендующих на наличие собственной модели высшего образования.

По какой модели пойдет развитие системы образования в России? От этого во многом зависят перспективы не только рассматриваемой системы, но и положение России в мировом сообществе в целом.

Предельно обобщая, отметим, что первую модель являют экономически лидирующие страны. Так, американские специалисты отмечают, что в Соединенных Штатах выражение «государственный университет» становится просто речевым оборотом. К примеру, Государственный (!) университет Вирджинии в 1985 г. формировал свой бюджет на 28% за счет государственных средств. В 2004 г. этот показатель снизился до 8%. Сейчас федеральная и государственная грантовая поддержка, государственные контракты занимают в структуре бюджета университета только 13,1% (правда, в абсолютном выражении сравнивать его с вузами «второй» и «третьей» образовательных систем нецелесообразно, т. к. сегодня бюджет Государственного университета Вирджинии составляет более 11 млрд долл. США)⁶. Даже в Португалии, где частные университеты зародились только три десятилетия назад, они составляют 2/3 от всех вузов, в которых получают образование более 40% студентов страны. В большинстве стран ОЭСР частные расходы на образование растут быстрее государственных [21, с. 79–92]. Может ли страдать от недостатка частных средств тот же Стэнфордский университет, если именно под его крылом выросли такие гиганты, как *Google, Yahoo!, Cisco, Sun Microsystems*?

Полагаем, что ситуация в высшем образовании стран ядра мир-системы характеризуется не просто включением в глобальные процессы, но именно *формированием глобальных университетов*, действующих в тесном контакте или принадлежащих бизнесу, имеющих огромные финансовые возможности и формирующих структуры влияния, кампусы,

⁶ Сайт Государственного университета Вирджинии. URL: <https://www.virginia.edu/facts>

филиалы по всему миру. И подавляющее большинство таких глобальных университетов концентрируется именно в США.

ЮНЕСКО в своем докладе еще в 2003 г. относил частный сектор к активному участнику, финансирующему систему образования (см. рис. 5).

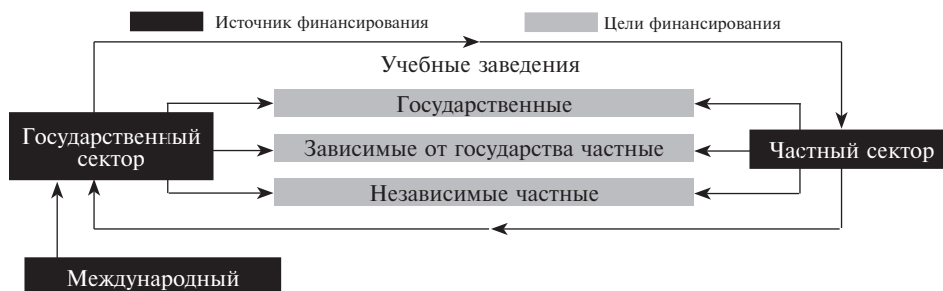

Рис. 5. Источники, движение средств и цели финансирования образования

Источник: [10].

Существенная доля частных организаций в финансировании образования наблюдается в Японии, Индии, Австралии, Чили, США, Израиле.

Особый интерес представляет опыт Чили. Уровень государственных расходов в этой стране сравнительно низок — 3,3% от ВВП и сравним с расходами в Японии (3,5%) и Турции (3,6%). Тем не менее исключительно высокий уровень частного финансирования (48% от общих расходов), повышает общие расходы на образование до 6,4% от ВВП, что сопоставимо с уровнями Мексики (6,4%) и Швеции (6,8%) [10]. Для сравнения: в России уровень финансирования за счет внебюджетных источников составляет 0,5% к ВВП (2018 г.) [22].

Обратимся к опыту использования в России модели «государство — вуз — бизнес» (модель «тройной спирали»). Эта модель, активно используемая в развитых странах, в России не работает. Связь «вуз — бизнес» очень слабая, опирается на эпизодическое финансирование отдельных исследований в рамках хозяйственных отношений. Крупнейший отечественный бизнес связан с вузами только посредством подготовки собственных специалистов (целевая подготовка специалистов)⁷.

В структуре объема средств образовательных организаций высшего образования России преобладают бюджетные средства (около 60%). Значительную долю занимают средства населения (около 25%). Существенно меньшую долю составляют средства организаций (около 12%). Остальное приходится на внебюджетные фонды и иностранные источники [22].

⁷ Правда, имеется и положительный опыт, когда российские ТНК сотрудничают с вузами в рамках НИОКР. ПАО «Газпром» определил вузы-партнеры, создал научно-исследовательский центр, при котором организована и действует аспирантура, созданы два диссертационных совета (сайт ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/careers/education>). Аналогичные стратегии взаимодействия с вузами выстраивают ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Сбербанк».

Еще один источник эффективной реализации первой модели — *привлечение исследователей из других стран*. Изучение этого процесса в конце 1990-х гг. в США выявило, что иностранное происхождение имели 60% американских авторов наиболее цитируемых трудов по физике и 30% — по другим естественным наукам. Примерно 25% основателей и президентов биотехнологических компаний были уроженцами других государств. Ученые-эмигранты причастны к почти 90% новых научных идей (и полученных на их основе преимуществ), возникших в Соединенных Штатах за вторую половину XX в. И дело здесь даже не в количестве. Главное, предоставить *исключительные условия* привлекаемым *лидерам* научных направлений⁸.

Вторая модель высшего образования представлена странами, сохраняющими суверенность экономического и культурно-образовательного развития (к ним, например, относятся Россия и Китай). В этих странах несравнимо меньшие финансовые возможности для оплаты специалистов из других стран⁹.

Третья модель высшего образования реализуется в странах, подобных Сингапуру, Тайваню, даже Гонконгу, пытающихся впитать все, что есть в развитом мире без ущерба для себя, а также в бедных странах Азии и Африки, не имеющих возможности сформировать сколько-нибудь самостоятельную систему высшего образования.

Особенности российской модели и оценка ее перспектив

В современных условиях высшее образование России *избыточно ориентировано на Запад*. Большую тревогу вызывает то, что российские интеллектуалы отстранены от участия в разработке стандартов, регламентирующих научную и образовательную деятельность. Дополнительной угрозой выступает и то, что региональные вузы получают несравненно меньшие ресурсы.

Между тем многообразие регионов России, наличие в субъектах Федерации большого числа различных вузов, с одной стороны, усложняет процесс стандартизации высшего образования, с другой — служит богатым материалом для творческого развития. В условиях, когда наука и образование переживают не самый простой период, региональные вузы формируют потенциал для поиска принципиально новых идей, подходов, парадигм. Однако на практике указанный потенциал не используется адекватно. Статус и привлекательность для работы, учебы центральных

⁸ Директор Института менеджмента, инноваций и организаций Университета Калифорнии (Беркли) профессор Д. Тис пишет: «В большинстве лабораторий девяносто процентов результата создается двумя процентами ведущих ученых» [23, с. 33]. Как тут не вспомнить высказывание А. Маршалла о том, что «самый ценный капитал — это тот, который вложен в человеческие существа» [24, с. 270], причем ценность неизмеримо возрастает с уровнем квалификации и одаренности специалиста.

⁹ Отличительная особенность реализации этой модели в России — положительное сальдо миграции интеллектуального капитала. Так, по данным Росстата в 2017 г. количество прибывших мигрантов, имеющих ученую степень доктора наук, составило 1 752 чел., кандидата наук — 4 463 чел. В то же время количество выбывших из страны мигрантов, имеющих ученую степень доктора наук, составило 1 684 чел., кандидата наук — 4 374 чел. [7].

вузов страны еще больше усиливается в связи с тем, что под эгидой цифровизации образования они получают ресурсы и на развитие разнообразных форм дистанционного обучения. Положение усугубляется и негативными демографическими трендами, в результате, количество и качество абитуриентов, поступающих в региональные вузы, снижается.

Сказанное косвенно подтверждают результаты проводимого Высшей школой экономики мониторинга качества приема в вузы России в субъектах Федерации (рассматриваются средний балл ЕГЭ для поступления на бюджет в вузе региона, средняя стоимость обучения, количество зачисленных на бюджетные места). Сравним перечисленные показатели между регионами-лидерами и регионами, проигрывающими «борьбу за абитуриента».

По мнению авторов, среди множества рейтингов результатов деятельности российских вузов уместно обратить внимание на Рейтинг мониторинга эффективности вузов, разработанный научно-исследовательским Институтом мониторинга качества образования¹⁰. По итогам 2018 г. наибольшее значение результирующего показателя среди вузов составило $J = 30$ (в «первую лигу» попал только один вуз) [25]. Многие филиалы и негосударственные образовательные учреждения отнесены к списку неэффективных вузов. В числе первых находятся вузы Московской, Ленинградской, Томской, Новосибирской областей, Томска, Новосибирска. В середине списка можно выделить Тюменскую, Омскую области, чуть ниже — Алтайский край, ближе к концу списка — Пензенская область.

По итогам 2018 г. средний балл ЕГЭ, необходимый для поступления на бюджетное место составил:

- в Москве и в Московской области 78 баллов;
- в Томской области 74,6 балла;
- в Новосибирской области 71,2 балла;
- в Тюменской области 69,8 балла;
- в Алтайском крае 65,3 балла;
- в Пензенской области 64,3 балла;
- в Омской области 61,9 балла.

Абитуриенты мигрируют в регионы, где имеются вузы с большим количеством бюджетных мест и с лучшими условиями. Таким образом, происходит *вымывание из ряда регионов интеллектуального капитала*. Это подтверждает и внутривосточная статистика по миграции. К примеру, за 2016 г. отмечено более 170 тыс. чел., указавших причину миграции «в связи с учебой» и имеющих среднее общее образование.

Привлекательность региональных вузов можно измерить через отношение численности приема на бюджетные места к численности абитуриентов года поступления. В качестве последнего показателя

¹⁰ В 2018 г. в рамках методики расчета данного рейтинга выделено 10 лиг, которым соответствует установленный диапазон значения результирующего показателя J . Максимальное значение 35 соответствует наиболее эффективной работе вуза. При значении, например, от 13 до 17 вуз попадает в пятую лигу. При значении показателя менее 8 результат деятельности вуза считается неудовлетворительным, вуз — неэффективным, при этом выделены три лиги для таких вузов.

для расчетов за 2018 г. взяты данные о рождаемости по регионам детей 2001 г. рождения (потенциальное количество абитуриентов), т. к. Росстат в свободном доступе не публикует численность населения в возрасте 18 лет в региональном разрезе. Расчетный коэффициент показывает, сколько бюджетных мест приходится на одного потенциального абитуриента в регионе (см. *табл. 3*). Как следует из *таблицы 3*, превышение значения показателя лишь по 7 регионам составило 4 раза, что свидетельствует о *перекосе в бюджетном финансировании региональных вузов*.

Т а б л и ц а 3

**Количество бюджетных мест на одного потенциального абитуриента
в субъектах РФ в 2018 г.**

№	Регион	Коэффициент
1	г. Москва и Московская область	0,389
2	Томская область	0,504
3	Новосибирская область	0,278
4	Омская область	0,259
5	Алтайский край	0,199
6	Пензенская область	0,146
7	Тюменская область	0,092

Источник: рассчитано по [7; 26].

Целесообразно ли дальнейшее усиление центров высшего образования или повышение эффективности системы образования требует укрепления ослабевающих субъектов Федерации?¹¹

Полагаем верным второе, поскольку студенты, которых при поступлении привлекает престиж вуза и количество бюджетных мест по завершению обучения, как правило, не возвращаются в регионы, где ниже заработная плата, меньше предложений от работодателей. Кто же тогда будет развивать региональную экономику?

* * *

Как мы пытались показать, отечественной системе высшего образования необходимо отказаться от установки на «догоняющее» развитие. А исполнительным и законодательным ветвям власти понять, что лидирующие позиции в высшей школе всегда будут принадлежать держателям стандартов.

¹¹ В данном вопросе зачастую переоценивается противоречие между качеством и территориальной доступностью образования. Практика показывает, что вузы в регионах могут демонстрировать высокие показатели. Так, один из авторов статьи является деканом факультета, выпускники которого за последние пять лет удостоились четырех медалей Президиума РАН за свои дипломные работы.

Следует также отказаться от номенклатурного подхода к делению вузов на категории с соответствующим данным градациям распределением ресурсов. Только тогда между ними развернется реальная конкуренция.

Важным источником ресурсов для развития региональных и федеральных вузов должен стать бизнес, но для его участия в финансировании подготовки кадров необходимо создать привлекательные условия. Следует указать и на комплиментарность состояния общества и образования. Свойственные современному российскому обществу многочисленные деформации в распределении доходов среди населения, ресурсов между регионами и организациями неизбежно переносятся и на систему образования.

Нельзя не понимать, что социально-экономическое развитие субъектов Федерации *непосредственно связано с уровнем высшего образования* в каждом из них. Однако вопреки этой очевидной, подтвержденной мировым опытом, истине, большинство региональных вузов получают минимум ресурсов, вследствие чего утрачивают научно-преподавательский состав и абитуриентов. Выход из этой ситуации требует радикальных решений.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
2. Розов Н.С., Вертгейм Ю.Б., Сизенцев Г.С., Филиппов С.И., Горошко В.В. Разработка и апробация метода теоретической истории / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск: Наука, 2001. 503 с.
3. Йен Чеонг Ченг. Поощрение локального знания и развитие человеческого потенциала в условиях глобализации образования // Менеджмент дайджест. 2004. № 4. С. 80–101.
4. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М.: Логос, 2002. 656 с.
5. Ореховский П.А. Структуры когнитивности и российские реформы: научный доклад, препринт. М.: Институт экономики РАН, 2019. 47 с.
6. Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru/>
8. Федеральное казначейство России. URL: <http://roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/federalnyj-byudzheto/>
9. Образование в цифрах: 2018: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, Г.Г. Ковалева, Н.В. Ковалева и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 80 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/06/29/1153062641/obr2018.pdf>
10. Всемирный доклад по образованию 2007. Сравнение мировой статистики в области образования. Монреаль: ЮНЕСКО, 2007. 209 с. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/global-education-digest-2007-comparing-education-statistics-across-the-world-ru.pdf>
11. Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование, 2014 / Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>

12. Рейтинг вузов мира URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020>
13. Рейтинг стран мира по индексу уровня образования, 2018 / Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info>
14. Рейтинг национальных систем высшего образования, 2018 / Аналитический портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/rank-higher-education>
15. Расходы на НИОКР. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
16. Затраты на науку в России и ведущих странах мира / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики». URL: <https://issek.hse.ru/news/209009455.html>
17. Мартынова Е.А., Малахов В.А. Позиция России в международных рейтингах по показателям, характеризующим развитие науки, технологий и инноваций // Наука. Образование. Инновации. 2017. № 3 (25). С. 5–34.
18. Nan Tian, Aude Fleurant, Alexandra Kuimova, Pieter D. Wezeman, Siemon T. Wezeman. Trends in World Military Expenditure, 2018 (англ.). SIPRI Fact Sheet. SIPRI, 29.04.2019. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-04/fs_1904_milex_2018.pdf
19. SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>
20. Gross domestic spending on R&D. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm>
21. Дусь Ю.П. Интеллектуальная колонизация. Миграционные перспективы присоединения Российской Федерации к Болонскому процессу // ЭКО. 2006. Т. 2. № 2. С. 76–92.
22. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др. М.: НИУ ВШЭ, 2018. — 400 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/12/14/1144745709/io2018.pdf>
23. Денисова Д. Время продавать знания // Эксперт. 2004. № 24. С. 32–37.
24. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. 415 с.
25. Рейтинг мониторинга эффективности вузов 2018. URL: <https://msd-nica.ru/rejting-monitoringa-effektivnosti-vuzov>
26. Мониторинг качества приема в вузы. URL: https://ege.hse.ru/reg_2018

FEDERAL AND REGIONAL CONTEXT OF THE HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

In the face of increasing cross-country competition, the strategic role of higher education and science is steadily increasing. Russia largely copies Western standards in the field of science and education, having nothing to do with the development of these standards. As a result, the Russian Federation is on the periphery of the world intellectual development. The situation is exacerbated by changes in Russian higher education. In the 21st century, the higher education of Russia is characterized by the division of universities into federal and regional, which affects funding, the level of autonomy in the conduct of educational and scientific activities and other characteristics. The “nomenclature” approach to higher education institutions of the Russian Federation turns many regional universities into noncompetitive. Probably, the lack of conditions for equal inter-university competition dramatically reduces the interest for private business investment in both federal and regional universities. The article analyzes, in application to the Russian Federation, three models of the development of modern higher education, common in the world. It is concluded that

the numerous deformations of modern Russian society are transferred to higher education. Therefore, education reforms are impossible without major changes in society and without taking into account the fact that modern Russian universities reproduce the diversity of socio-economic relations.

Keywords: assessment of the effectiveness of universities, region, science, the pyramid of Russian universities federal universities, higher education, regional universities

JEL: P36, P51, I21

Дата поступления — 21.06.2019 г.

ДУСЬ Юрий Петрович

доктор экономических наук, доцент, декан факультета международного бизнеса;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» / проспект Мира, д. 55-А, г. Омск, 644077.

e-mail: dus@omsu.ru

РАЗУМОВ Владимир Ильич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» / проспект Мира, д. 55-А, г. Омск, 644077.

e-mail: RazumovVI@omsu.ru

ПУЗИНА Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международного бизнеса;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» / проспект Мира, д. 55-А, г. Омск, 644077.

e-mail: PuzinaNV@omsu.ru

DUS Yuri P.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Dean of Faculty; International Business of the Dostoyevsky Omsk State University / 55A, Mira Av., Omsk, 644077.

e-mail: dus@omsu.ru

RAZUMOV Vladimir I.

Dr. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Department of Philosophy; Dostoyevsky Omsk State University / 55A, Mira Av., Omsk, 644077.

e-mail: RazumovVI@omsu.ru

PUZINA Nataliya V.

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the International Economic Relations of Faculty of the International Business;

Dostoyevsky Omsk State University / 55A, Mira Av., Omsk, 644077.

e-mail: PuzinaNV@omsu.ru

Для цитирования:

Дусь Ю., Разумов В., Пузина Н. Федеральный и региональный контекст высшего образования в России // *Федерализм. 2019. № 3. С. 72–87.*